

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ТОМАС
МАЛЬТУС

«СЛИШКОМ
ТЕСНО»

О ПОЛЬЗЕ
ВОЙН
И ЭПИДЕМИЙ

АУРЕЛИО
ПЕЧЧЕИ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Философский поединок

Томас Роберт Мальтус

**«Слишком тесно». О
пользе войн и эпидемий**

«Алисторус»

УДК 332
ББК 66.4

Мальтус Т.

«Слишком тесно». О пользе войн и эпидемий / Т. Мальтус —
«Алисторус», — (Философский поединок)

ISBN 978-5-00180-059-0

Томас Мальтус – английский ученый, демограф и экономист. Он – автор теории, согласно которой рост народонаселения приводит к снижению благосостояния и массовому голоду. Отсюда Мальтус считал войны и эпидемии подлинным благом для человечества, поскольку они помогают сократить количество народа на Земле, чтобы оставшиеся жили лучше.

Аурелио Печчеи – крупнейший итальянский промышленник и общественный деятель, писатель и публицист, был основателем и первым президентом известного Римского клуба. Печчеи, также как Мальтус, считал, что на Земле «слишком тесно», и предлагал свои способы сокращения численности человечества. В книге приводятся основные труды Т. Мальтуса и А. Печчеи. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 332
ББК 66.4

ISBN 978-5-00180-059-0

© Мальтус Т.
© Алисторус

Содержание

Предисловие. Теория Мальтуса	6
Опыт о законе народонаселения	15
I. Изложение предмета. Отношение между размножением населения и возрастанием количества пропитания	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Томас Мальтус, Аурелио Печчеи «Слишком тесно». О пользе войн и эпидемий

© Перевод с английского, перевод с итальянского, 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

* * *

Предисловие. Теория Мальтуса

Ошибочно было бы думать, что мысль об опасности для человеческого рода от бесконечного роста народонаселения не привлекла внимания ни одного писателя до Мальтуса. Но вообще говоря, на многочисленное народонаселение всегда смотрели как на благо для страны, и никому не приходило в голову опасаться чрезмерного увеличения его, поскольку оно естественным образом регулировалось средствами существования. В таких выражениях говорит об этом физиократ Мирабо в своей книге «*Traite de la Population*» («Трактат о народонаселении»). Приверженцы естественного порядка не могли беспокоиться о таком естественном факте, как рост народонаселения. Но этот оптимизм принял чрезвычайные размеры с появлением Годвина, книга которого «*Political Justice*» («Политическая справедливость»), появившаяся в 1793 г., произвела потрясающее впечатление на умы.

Говорили, что Годвин был первым теоретиком анархизма. Действительно, он, по-видимому, первый произнес знаменитую фразу: «Всякое правительство, даже наилучшее, – зло». Во всяком случае, он был предтечей анархизма благодаря безграничной вере в будущее общество: как в прогресс науки, которая даст возможность производить продукты в таком количестве, что достаточно будет полчасика работы в день, чтобы удовлетворить потребность всех членов общества, так равно и в прогресс разума, который будет сдерживать личные интересы и борьбу за прибыль. Но в этот день, когда жизнь станет такой легкой и такой прекрасной, не явится ли опасность, что люди размножатся до такой степени, что земля не будет в состоянии всех их накормить? Поставив этот вопрос, Годвин, несомненно, не подозревал, какую страшную проблему он выдвинул. Он отвечал на этот вопрос спокойно, с невозмутимой верой в будущее, уверяя, что такое предположение, может быть, осуществится «лишь в мириады веков», что даже, вероятно, оно вовсе не осуществится, ибо разум будет не менее могуч для обуздания полового влечения, чем для преодоления жажды наживы; и он даже предусматривал перспективу такого социального состояния, в котором «ум так будет господствовать над чувствами, что воспроизведение человеческого рода приостановится» и что человек станет бессмертным.

Как раз в то же самое время появилась во Франции одна книга, которая имела большое сходство с книгой Годвина, – это была книга Кондорсе (1794 г.) «*Esquisse d'un tableau historique des progres de l'Esprit humain*» («Эскиз исторической картины прогресса человеческого духа»). Она дышит той же самой верой в движение человеческих обществ к счастью, во всемогущество науки, которая сможет если не уничтожить смерть, то, во всяком случае, отодвинуть ее в бесконечно далекое будущее, – эта уверенность у человека, писавшего незадолго до самоубийства (он принял яд, чтобы избежать гильотины), была весьма трогательной. Но если смерть должна быть уничтоженной, то перед Кондорсе встает тот же вопрос, какой был у Годвина: как сможет земля накормить всех людей? И он дает почти тот же самый ответ: или наука сумеет обеспечить средства продовольствия свыше всякой определенной меры, или разум сумеет ограничить безрассудный рост народонаселения.

Согласно обычному ходу дела как в области истории учений, так и в области фактов такой яркий оптимизм неизбежно должен был вызвать реакцию. Она не заставила себя ждать и появилась в форме «Опыта о законе народонаселения» Мальтуса.

По поводу вышеуказанных утверждений, что прогресс человеческого рода к богатству и к счастью бесконечен и что опасность, как бы не наступило время, когда будет на земле слишком много людей, химерична или, во всяком случае, отодвигается в такое далекое будущее, что едва ли стоит беспокоиться, – по поводу всех этих утверждений Мальтус отвечает, что, как раз наоборот, в этом именно и заключается почти непреодолимое препятствие, и не в отдаленном будущем, а в настоящее время, сейчас, и во всякое время оно висит над головой, тормозит прогресс человеческого рода, – это скала Сизифа, которая постоянно грозила падением и раз-

рушением. Природа вложила в человека инстинкт, который, будучи предоставлен самому себе, обрекает его в жертву голоду, смерти и порокам. От этого инстинкта страдают люди, не зная причины своих страданий, которая дала бы им в руки ключ к истории обществ и их бедствий.

Все, даже лица, совершенно незнакомые с социологическим исследованием, знают незабвенные формулы Мальтуса, согласно которым, с одной стороны, с ужасающей быстротой происходит рост предоставленного самому себе населения, а с другой – относительно медленно умножаются средства пропитания. Поэтому Мальтус представляет рост населения геометрической прогрессией, т. е. рядом цифр, последовательно растущих от умножения на какую-нибудь одну цифру, и он берет простейший ряд, каждый член которого вдвое больше предыдущего. А рост производства он представляет арифметической прогрессией, т. е. рядом цифр, последовательно увеличивающихся от приложения одной какой-нибудь цифры, и он берет простейший ряд, именно ряд целых цифр.

Мальтус предполагает, что каждый член прогрессии соответствует периоду в двадцать пять лет. С первого же взгляда видно, что если население удваивается каждые двадцать пять лет, а средства существования в каждый такой период увеличиваются только на одно и то же количество, то расхождение между двумя рядами происходит в ужасающей пропорции. В нашей таблице, содержащей только девять членов, т. е. относительно короткий период времени в двести лет, мы видим, что последняя цифра, обозначающая количество населения, уже в двадцать восемь раз больше цифры, выражающей массу средств существования, а если бы продолжить прогрессию до сотого члена, то нельзя было бы ее представить в цифрах.

Первую из этих прогрессий можно считать очевидной, поскольку она представляет биологический закон происхождения. Не зря в разговорном языке выражения *generation* (происхождение) и *multiplication* (размножение) считают синонимами. Верно, что удвоение предполагает четырех детей, появляющихся на свет в период деторождения, и, следовательно, около 5–6 рождений при неизбежной убыли вследствие детской смертности. Эта цифра может показаться преувеличенной нам, живущим в обществе, где ограничение рождений – общее явление, но несомненно, что у всех живых существ, и даже у человека, который менее плодовит, число рождений было бы значительно выше, если бы воспроизведение рода было предоставлено своему естественному течению. Женщина в возрасте воспроизведения может быть в известных случаях беременной двадцать раз, а иногда и больше. В силу такого размножения земля заселяется до настоящего времени людьми, и нет никаких признаков, что ныне эта воспроизводительная способность у обоих полов меньше, чем когда-либо раньше. Поэтому, приняв число 2 за множитель в своей прогрессии, Мальтус не допустил никакого чрезмерного предположения.

Скорее может вызвать сомнение период времени в двадцать пять лет, промежуток между двумя членами. Промежуток времени между средним возрастом родителей и средним возрастом детей, когда они становятся в свою очередь способными воспроизводить, не может быть меньше 33 лет. Это называется периодом одного поколения, и таких периодов в одном столетии всегда насчитывалось около трех.

Но это несущественные придирки. Что же получится от того, что промежуток между двумя членами будет продлен с 25 до 33 лет и множитель прогрессии уменьшится с 2 до $1\frac{1}{2}$, $1\frac{1}{4}$ или $1\frac{1}{10}$? Прогрессия немного замедлится, но раз принята геометрическая прогрессия, как бы медленно она ни развивалась вначале, она очень скоро начинает делать чрезвычайные скачки и переходит всякие пределы. Эти поправки не умаляют силы рассуждения Мальтуса, равно как и значения физиологического закона.

Вторая прогрессия кажется более несостоятельной, ибо она явно произвольна, и даже не известно, представляет ли она подобно первой только тенденцию или ей предназначено представлять действительность? Она не соответствует ни одному известному и верному закону, как биологический закон воспроизведения. Скорее, кажется, она опровергает этот самый закон. В самом деле, что такое «средства существования», как не животные и растительные виды,

которые воспроизводятся по тем же самым законам, и как и человек, и даже много быстрее, согласно геометрической прогрессии. Сила размножения хлебного зерна или картофеля, кур или селедок, и даже рогатого скота или овец не превосходит ли бесконечно силу размножения человека? На это возражение Мальтус, несомненно, ответил бы, что скрытая сила размножения животных и растительных видов фактически связана очень тесными границами: климатом, необходимой для них пищей, борьбой за существование и т. д. Пусть будет так. Но если эти препятствия идут в счет во второй профессии, почему они не приняты во внимание в первой? Тут, по-видимому, есть некоторая непоследовательность. Одно из двух: или дело идет о том, чтобы выразить тенденции, и в таком случае тенденция в размножении средств существования не только не одинакова, но гораздо сильнее тенденции в размножении людей; или дело идет о том, чтобы возразить то, что есть, и в таком случае препятствия к бесконечному размножению людей не меньше препятствий к бесконечному размножению животных и растений, или, лучше сказать, последнее есть, очевидно, функция первого.

Чтобы придать смысл второй формуле, следует ее перенести из области биологии в область экономики. По мысли Мальтуса, дело, очевидно, идет о продукте данной земли, скажем о хлебе, так как английские экономисты его имеют всегда в виду в своих теориях. Он хочет сказать, что если предположить, что с данного клочка земли можно получить одно и то же приращение посева в конце каждого данного периода, скажем на два гектолитра больше каждые двадцать пять лет, то это будет все, что можно надеяться получить от земли. И в этой гипотезе, по-видимому, есть еще некоторое преувеличение по сравнению с действительностью. В 1789 г. Лавуазье исчислял произрастание хлеба во Франции в количестве $7 \frac{3}{4}$ гектолитров на гектар. В последние годы оно в среднем достигает немного больше 17 гектолитров. Если предположить, что приращение было правильным в течение 120 лет, то мы найдем приблизительно по два гектолитра приращения на каждые двадцать пять лет. При слабом приросте французского населения этого было достаточно для того, чтобы поднять среднюю меру на каждую голову до 2–3 гектолитров. Но будет ли этого достаточно для такого быстрорастущего населения, как население Англии и Германии? Наверное, нет, что видно из того, что Англия и Германия, несмотря на большой прирост хлеба, принуждены ввозить извне значительную часть потребляемых ими хлебных продуктов. Да и во Франции может ли то же самое бесконечно продолжаться в течение настоящего и будущего веков? Это невероятно; прирост продукта всякой земли должен иметь физический предел в силу ограниченности содержащихся в ней элементов, и прежде всего экономический предел в силу возрастания необходимых для эксплуатации данного участка издержек, когда хотят развить его производительность до последних пределов. И, таким образом, закон «убывающего плодородия», к которому мы потом вернемся, уже является истинным основанием мальтусовских законов, хотя сам Мальтус определенно еще не говорит о нем.

Очевидно, что в данном месте фактически не может быть больше живых существ, чем сколько их может пропитаться там, – это трюизм. Ибо, если там найдутся лишние, они согласно принятому принципу осуждены на голодную смерть. Таким образом дело происходит и во всем животном и растительном царстве: безумная плодовитость зародышей безжалостно приводится смертью к желанной пропорции, и определенный необходимостью уровень не поднимается выше и не опускается ниже, как в хорошо урегулированном резерве, ибо ужасные производимые среди них смертью опустошения постоянно восполняются напором жизни. Но у диких народов, так же как и у животных, к которым они приближаются, большая часть населения в буквальном смысле умирает от голода. Мальтус долго останавливается на описании состояния этих примитивных обществ, и в этом отношении он был одним из предшественников доисторической социологии, которая после него подвинулась далеко вперед.

Он очень хорошо показывает, как недостаток в пище влечет за собой тысячу зол: не только смертность, эпидемии, но и антропофагию, детоубийство, убийство стариков и осо-

бенно войну, которая даже тогда, когда целью ее не является съедение побежденного, ведет, во всяком случае, к отнятию у побежденного его земли и производимого ею хлеба. Эти препятствия он называет позитивными, или репрессивными.

Однако этот недостаток в пище у диких, равно как и у животных, не есть ли следствие их неспособности к производству, а не следствие перенаселенности?

На это Мальтус возражает, указывая, что многие из этих диких обычаев продолжают существовать у таких цивилизованных народов, как греки. Даже у современных народов существуют такие жестокие, хотя и в более слабой степени, способы сокращения населения. Хотя голод в форме недорода в собственном смысле не встречается больше нигде, кроме России и Индии, однако он не перестает свирепствовать в среде самых цивилизованных обществ в форме физиологического бедствия, самым убийственным проявлением которого бывает туберкулез, поселяющий ужасную детскую смертность и преждевременную смертность среди взрослого рабочего населения. Что касается войны, то она не перестает косить людей. Мальтус был современником войн Французской революции и первой Империи, которые в промежуток времени с 1791 по 1815 г. погубили в Европе до десяти миллионов людей в зрелом возрасте.

Все-таки равновесие между народонаселением и средствами существования у цивилизованных народов может быть восстановлено более гуманными средствами, т. е. препятствие репрессивное, состоящее в росте смертности, может быть заменено превентивным (предупредительным) препятствием, состоящим в сокращении рождаемости. Из всех животных только человеку, одаренному разумом и способностью предвидения, дано такое средство. Если он знает, что его дети обречены на смерть, он может воздержаться производить их. Можно даже сказать, что это единственное истинно действенное средство, ибо репрессивное препятствие лишь еще больше вызывает рост народонаселения, подобно дерну, который тем больше растет, чем больше его косят. Война дает поразительный пример роста населения: во Франции год, следовавший за ужасной войной 1870–1871 гг., – единственный в ее демографических летописях по неожиданному скачку, которым он отметил уже спускающуюся кривую ее рождаемости.

Во втором издании своей книги Мальтус остановился главным образом на предупредительных средствах и тем скрасил зловещие перспективы, открывшиеся в первом издании. Но важно знать, что он подразумевает под ними. Мы делаем многочисленные выписки по этому вопросу, потому что он весьма важен и потому что по этому именно вопросу мысли преподобного отца из Хэйлибери были так странно извращены.

Предупредительное препятствие, по Мальтусу, есть моральное обуздание (*moral restraint*). Но что следует понимать под этим? Есть ли это воздержание от половых сношений в браке, раз число детей, достаточное для поддержания народонаселения в стационарном или умеренно-прогрессивном состоянии достигнет, скажем, трех? Нет, Мальтус никогда не проповедовал воздержания от половых сношений а браке. Мы уже говорили, что он признает семью с шестью детьми (это по крайней мере предполагается удвоением народонаселения в каждом поколении) нормальной семьей. И это число он ничуть не считает максимальным, ибо он прибавляет: «Может быть, скажут, что вступающий в брак человек не может предвидеть, какое число детей будет у него и не будет ли оно больше шести? Это бесспорно».

Но тогда в чем же проявляется моральное обуздание? Вот как он определяет его: «Воздержание от брака, связанное с целомудрием, – вот что я называю моральным обузданием». И чтобы избежать всяких недоразумений, он прибавляет в примечании: «Я понимаю под моральным обузданием такое обуздание, которому человек подчиняется из соображений благоразумия, чтобы не вступать в брак, при условии если его поведение во все добрачное время строго нравственно. Я постараюсь на протяжении всего этого произведения никогда не уклоняться от такого смысла». Ясно: дело идет прежде всего о воздержании от всяких половых сношений вне брака, а затем об отсрочке самого брака до того возраста, когда человек будет в состоянии

принять на себя ответственность за заботы о семье, и даже о совершенном отказе от брака, если такого времени никогда не наступит.

Очевидно, что Мальтус этим абсолютно исключил такие средства, какие пропагандируются ныне от его имени: он определенно осуждает тех, которые проповедуют свободное вступление в половую связь вне брака или в браке, лишь бы были приняты меры, чтобы эта связь осталась бесплодной. Все такие предупредительные меры он помещает в рубрику с позорным названием пороков и противопоставляет их моральному обузданию. Мальтус весьма категоричен на этот счет: «Я отвергну всякое искусственное и несогласованное с законами природы средство, к которому захотели бы прибегнуть для того, чтобы задержать рост народонаселения. Препятствия, которые я рекомендую, соотносятся с требованием разума и освящены религией». И он прибавляет следующие истинно пророческие слова: «Было бы слишком легко и удобно даже совершенно остановить рост народонаселения, и тогда мы подверглись бы противоположной опасности».

Бесполезно говорить, что если Мальтус отвергал брачную измену, то тем более он отменял то предупредительное средство, каким является институт особого класса женщин, обреченных на проституцию; и он еще более осудил бы меры, о которых еще не говорили в его время, такие, как аборт – бич, который стремится заменить в нашем современном обществе, только в более обширных размерах, детоубийство или подкидывание детей в древности, но с которым уголовный закон бессилен бороться, между тем как новая мораль начинает находить ему оправдание.

Но, устранив все противные морали средства, думал ли Мальтус, что моральное обуздание в той форме, как он себе его представлял, может наложить действительно крепкую узду на стремление к перенаселению?

Несомненно, он этого хотел, ибо он старается вооружить людей для этого священного крестового похода против худшей из общественных опасностей: «Тем, кто является христианином, я скажу, что священное писание ясно и безусловно наставляет нас, что наш долг сдерживать наши страсти в границах разума... Христианин не может рассматривать трудности несения морального обуздания как законный предлог избавиться от исполнения своего долга». А для тех, кто хочет подчиняться лишь разуму, а не религии, он делает замечание, что «эта добродетель (целомудрие) по точном исследовании является необходимой для того, чтобы избежать зол, которые без нее бывают неизбежным следствием законов природы».

Но в сущности Мальтус не верил во всеобщее распространение морального обуздания для преодоления и регулирования любви. Вот почему он не чувствовал в себе большой уверенности в свои средства, и гидра представлялась ему все более угрожающей, несмотря на щит из чистого и хрупкого кристалла, который он ставил против нее. С другой стороны, он хорошо чувствовал, что его средство (безбрачие) может быть не только безуспешным, но и опасным, если оно вызовет именно те пороки, которых он боялся. Продолжительное или, что еще хуже, постоянное безбрачие, очевидно, средство, неблагоприятное для добрых нравов.

Мальтуса постигло жестокое огорчение; и этот человек, которого можно было только что принять за непримиримого аскета, вскоре окажется утилитарным моралистом наподобие Бен-тама. Он, по-видимому, примиряется с мыслью о допущении обычных способов удовлетворения полового инстинкта с непременным условием избегать зачатия, и даже о допущении таких, которые он клеймит названием «пороков». Из двух зол последнее ему кажется меньшим по сравнению с тем, которое проистекает от перенаселения, тем более, говорит он, что перенаселение само по себе является очень активной причиной безнравственности благодаря бедности и привычкам смещения и разнузданности, которые бывают последствием его, – замечание, впрочем, весьма основательное. В конце концов принятое Мальтусом решение не отличается отменной чистотой; оно есть лишь, как он сам говорит, «великое правило полезности» –

речь идет о незаметном усвоении привычки удовлетворять свои страсти без вреда для других. Такими уступками было подготовлено ложе для неомальтузианства.

В итоге человек представляется Мальтусу очутившимся на распутье перед тремя дорогами, перед которыми стоит следующая надпись: дорога, прямо против него находящаяся, ведет к Нищете, направо – к Добродетели, налево – к Пороку. Он видит, что слепой инстинкт толкает человека на первый путь, и закликает его не поддаваться и ускользнуть от него одним из двух боковых путей, предпочтительнее правым. Но он боится, что число тех людей, которые последуют его совету, тех, которые, по словам Евангелия, выберут верный путь спасения, очень незначительно. А с другой стороны, он не хочет в своей светлой душе допустить, что все остальные люди выберут путь порока; так что в конце концов он боится, что масса народа пойдет по естественной наклонной плоскости на край пропасти, и, таким образом, ни одно из предупредительных препятствий не вселяет в него уверенности насчет будущей судьбы человечества.

* * *

Не было ни одного учения, более опозоренного, чем учение Мальтуса. Проклятия не переставали сыпаться градом на голову того, кого уже современник его, Годвин, называл «этим мрачным и ужасным гением, готовым погасить всякую надежду рода человеческого».

С точки зрения экономической говорили, что все его предвидения были опровергнуты фактами, с точки зрения моральной его учение насадило отвратительнейшую практику, и многие французы считают его ответственным за сокращение народонаселения в нашей стране. Что следует подумывать об этой критике?

Конечно, история не оправдала опасений Мальтуса: с того времени она не указала ни одной страны, которая страдала бы от перенаселения. В одних странах, во Франции например, народонаселение лишь очень слабо увеличилось, в других – оно увеличилось сильно, но не опередило роста богатства.

Если мы возьмем ту самую страну, где Мальтус искал данных для своих выкладок, – С.-А. Соединенные Штаты, то вот какая средняя зажиточность приходится на жителя по переписям, которые публиковались каждые десять лет (в долл.):

1850 г. – 308
1890 г. – 1036
1860 г. – 514
1900 г. – 1227
1870 г. – 780
1910 г. – 1370
1880 г. – 870

Из этого видно, что за полвека доля богатства каждого жителя Соединенных Штатов более чем учетверилась, хотя и население за тот же период времени тоже почти учетверилось (с 23 поднялось до 92 миллионов). Великобритания (Англия и Шотландия) времени Мальтуса (1800–1805 гг.) насчитывала 10 миллионов жителей, а ныне у нее насчитывается 40 миллионов. Если бы он мог предугадать такую цифру, он пришел бы в ужас. Однако богатство и благосостояние Великобритании тоже, вероятно, учетверилось.

Можно ли поэтому сказать, как это часто повторяют, что законы Мальтуса были опровергнуты фактами? Нет, не законы были опровергнуты, – они остаются неприкосновенными, – а предсказания, основанные на них. Я не думаю, чтобы можно было оспаривать, что размножение всякого живого существа, включая и человека, происходит (это, по правде сказать, та-

тология) путем умножения и что, предоставленное самому себе, не встречая никаких препятствий, оно перешло бы всякие границы; с другой стороны, я не думаю, что рост продуктов промышленности не был бы по необходимости ограничен многочисленными условиями, в которые поставлено всякое производство (помещения, сырье, капиталы, ручной труд и т. д.). Но если тем не менее рост народонаселения не опередил роста средств существования и даже, как показывают вышеприведенные цифры, остался далеко позади, то это случилось потому, что он был ограничен волей людей не только во Франции, где предупредительные меры были в полном ходу, но более или менее во всех странах, где действительная плодovitость остается далеко позади скрытой плодovitости. И это добровольное ограничение, которое так беспокоило Мальтуса, происходит самым естественным образом.

Опасения Мальтуса основываются на смешении понятий биологического порядка. Половой инстинкт не то, что инстинкт воспроизведения, и следует он совершенно другим стимулам. Только первому может быть приписано то свойство несокрушимой силы, которое Мальтус ошибочно приписывает второму. Первый есть инстинкт животного происхождения, он воспламеняется с силой самой бурной страсти и управляет одинаково всеми людьми. Источник второго – преимущественно общественного и религиозного характера: второй инстинкт облекается в различные формы, смотря по времени и месту.

У религиозных народов, которые следовали закону Моисея, Ману или Конфуция, рождение было средством спасения, истинной реализацией бессмертия. Для брамина, китайца или еврея не иметь сына – больше, чем несчастье, – это преступление против Бога. У народов греко-латинского происхождения рождение было священным долгом перед государством и отечеством. В аристократической касте гордость имени не должна погибнуть. У бедных и, может быть, существующих благотворительностью рабочих с рождением связаны ожидания, что, чем больше будет детей, тем больше будет заработка или средств вызвать общественное милосердие. Во вновь открытой стране рождение необходимо для умножения рук, чтобы расчищать землю, и людей, чтобы создавать новое население.

И наоборот, перед инстинктом воспроизведения может подняться много сил, антагонистичных ему: эгоизм родителей, не желающих принимать на себя ответственности; эгоизм матерей, боящихся страданий и опасности, связанных с беременностью; любовь скарредного отца, который не хочет иметь младших детей, чтобы лучше наделить старшего; феминизм, ищущий независимости вне брака; преждевременная эмансипация детей, которая оставляет родителям лишь тяготы отцовства, не представляя для них самих ни выгоды, ни утешения; недостаточность помещения, тяжесть налогов и тысячи других.

Таким образом, стимулы к воспроизведению бесконечно варьируются, но именно потому, что они социального, а не физиологического происхождения, они не носят характера безусловности, перманентности, универсальности и очень хорошо могут быть подавлены противоположными им стимулами социального порядка; это как раз и случается. И очень легко можно себе представить, что там, где религиозная вера иссякла бы, где умер бы патриотизм, где жизни семьи хватало бы лишь на одно поколение, где все земли находились бы в частной собственности, где фабричный труд был бы запрещен детям, где люди жили бы как номады, где всякое физическое страдание сделалось бы невыносимым, где брак благодаря разводу все более и более приближался бы к свободному союзу, словом, где все стимулы воспроизведения, которые я только что перечислил, перестали бы действовать, а все их антагонисты были бы в полной силе, – там воспроизведение совсем остановилось бы. Но хотя народы и не дошли до такого состояния, все-таки надо признать, что они приближаются к нему. Правда, в новой социальной среде могут возникнуть новые стимулы к воспроизведению, я знаю это, но они еще нам неизвестны.

Как ни парадоксально может показаться такое утверждение, но половой инстинкт играет лишь весьма второстепенную роль в воспроизведении рода – человеческого рода, само собой

разумеется. Дав этим обоим инстинктам одни и те же органы, природа, несомненно, объединила их, и те, которые верят в конечные причины, могут изумляться здесь хитрости, которую она употребила, чтобы обеспечить сохранение рода, соединив произведение его с актом величайшего наслаждения. Но человек оказался хитрее ее, ему без труда удалось разъединить обе функции, так что, продолжая слепо повиноваться закону любви и похоти, и тем беззаботнее, что его не печалят последствия, он сумел почти совершенно освободиться от закона воспроизведения. Благодаря этому страхи Мальтуса разлетелись, как дым, и вместо них на горизонте появилась иная, противоположная опасность – опасность медленного самоубийства народов.

Это разъединение обоих инстинктов происходит тем легче, что на пути у него не стоит ни малейшего морального препятствия, какое думал противопоставить ему честный пастор, когда эти хитрости против зарождения он низводил до степени пороков. Практика отнеслась к ним более снисходительно, чем учение моралистов, которые берут на себя труд доказать, что она отвечает двоякой обязанности: первой, состоящей в том, чтобы предоставить половому инстинкту и любви полную свободу, которой требуют физиологические и психологические законы человеческого рода; второй, состоящей в том, чтобы не доверять случаю такого важного дела, как дело рождения, и не возлагать на женщину такой изнурительной задачи, как задача материнства, за исключением тех случаев, когда она сама захочет и обдуманно примет ее на себя. И наоборот, доктрину учителя о «моральном обуздании» неомальтузианцы объявляют весьма имморальной, во-первых, потому, что она противоречит законам физиологии, заражена христианским аскетизмом, злом худшим, чем то, от которого она хочет избавиться, ибо, говорят они, отказ от любви причиняет худшее страдание, чем отказ от хлеба, а во-вторых, потому, что благодаря своему правилу обязательного безбрачия или позднего брака она имеет тенденции способствовать развитию проституции, посягает на нравы, создает противоестественные пороки, внебрачную рождаемость. Несмотря на это, неомальтузианцы присвоили себе как ученики Мальтуса и сохраняют его имя, так как они признательны ему за указание, что слепой инстинкт воспроизведения по необходимости должен производить человечество, обреченное на болезни, нищету, смерть и даже порок, и что, следовательно, регулировать этот инстинкт является единственным средством, чтобы избежать этого плачевного исхода.

Нужно думать, однако, что, если бы Мальтус воскрес, он не был бы неомальтузианцем. Менее всего он извинил бы своим ученикам их намерение использовать брачную измену не для того, чтобы предупредить опасность перенаселения, а для того, чтобы покровительствовать разврату, освобождая любовь от ответственности, возложенной на нее природой. Тем не менее следует признать, что уступками, о которых мы уже говорили, Мальтус подготовил для них путь.

Мальтус, по-видимому, не замечал также одного из самых опасных пунктов своего учения, который всего более способствовал дискредитации его, а именно того, что обязанность безбрачия, неразлучную с обязанностью целомудрия, – этот отказ от радости семейной жизни – он возлагал только на бедняка, а не на богача, ибо последний всегда находится в условиях, требуемых Мальтусом для того, чтобы иметь детей. Я хорошо знаю, что в интересах самих бедных Мальтус предписывал им этот суровый закон «не производить на свет детей, которых они не будут в состоянии прокормить», но это не мешает тому, чтобы этот закон самым жесточайшим образом подчеркивал неравенство их положения по сравнению с другими классами, ибо им они приведены к необходимости делать выбор между хлебом и любовью. Мальтус заставил умолкнуть старую песенку, в которой говорилось, что для счастья достаточно «хижины и любви в сердце». Однако справедливость требует заметить, что Мальтус не идет так далеко, чтобы законом воспрещать им вступление в брак, – либеральный экономист оказывается здесь верным себе. Он хорошо видит, что, не говоря уже о соображениях человечности, это средство может оказаться хуже зла, потому что запрещение браков, сократив число законных детей, приведет к росту числа детей внебрачных.

Наконец, говоря беднякам, что они сами ответственны за свою нищету, потому что они оказались непредусмотрительными, женились слишком рано и имеют слишком много детей, и прибавляя, что никакой писанный закон, никакое учреждение, никакая благотворительность не смогут им помочь, Мальтус, по-видимому, не сознавал, что имущим классам он давал удобный предлог не заботиться о судьбе трудящихся классов. В течение всего XIX века его доктрина будет ставить препятствие всяким проектам социалистической или коммунистической организации и даже всякой реформе, стремящейся к улучшению положения бедных, потому что будут говорить, что последствием этого будет то, что увеличение массы продуктов, подлежащих распределению, повлечет за собой размножение соучастников распределения и, следовательно, эти меры ни к чему не приведут.

Тем не менее, хотя учение Мальтуса породило столько ненависти, оно послужило основательному знакомству с экономическими проблемами: иногда, как мы только что говорили, чтобы устранить законные притязания, а часто также для того, чтобы дать опору великим классическим законам политической экономии, таким, например, как закон земельной ренты или фонда заработной платы. Оно служило, с другой стороны, оправданию существования семьи и частной собственности, потому что ту и другую оно представляло могучим предохранителем против безрассудного размножения из соображения связанной с ним ответственности.

Ныне великая проблема народонаселения нисколько не утратила своего значения, но она повернулась, так сказать, другой стороной.

То, что Мальтус называл предупредительным препятствием, приняло во всех странах такие размеры, что социологов и экономистов занимает не опасность безграничного размножения, а опасность регулярно и повсюду уменьшающейся рождаемости. Задача заключается в том, чтобы отыскать причины этого явления. Все, впрочем, согласно признают, что причины эти социального характера.

Недостаточно указать как на причину на сознательную волю родителей не иметь детей или ограничить их число; это объяснение, очевидно, ничего не объясняет, потому что о том именно речь и идет, чтобы узнать, почему не хотят иметь детей, и что касается, например, нашей страны, то почему такое желание воздерживаться иметь детей, которое не существует в такой мере в других странах и которое, по-видимому, не существовало раньше, два-три поколения назад, у французов, так интенсивно в наши дни? Для объяснения этого явления необходимо открыть, каковы причины его, особенные для нашей страны и нашего поколения, причины, которые, следовательно, не встретятся в других странах в той же самой мере; происходит ли это от того, что, как допускает Поль Леруа-Болье, рождаемость падает в силу прогресса цивилизации, которая создает потребности, желания и расходы, несовместимые с обязанностями и тяготами отцовства; или от того, что, как думает Дюмон, рождаемость падает по мере роста демократии, ибо демократия дает стимул стремлению достичь своих целей возможно быстрее и подняться возможно выше (что остроумно называется законом капиллярности), или по другим, более определенным причинам, варьирующим в зависимости от школы, такой, например, как наследственный закон о равном разделе, как учит школа Ле Пля, или такой, как ослабление моральных правил и религиозных верований, как думает Поль Бюро, или такой, как невоздержание во всех формах – в форме разврата, алкоголизма и пр.

К сожалению, нельзя сказать, чтобы какое-нибудь из данных до настоящего времени объяснений было вполне удовлетворительным, и потому был нелишним новый Мальтус, для того чтобы открыть демографической науке новые горизонты.

Ш. Жид¹, Ш. Рист².

¹ Шарль Жид (фр. Charles Gide) (1847–1932) – французский экономист и историк экономической мысли.

² Шарль Рист (1874–1955) – французский экономист, эксперт по денежным вопросам.

Опыт о законе народонаселения

Томас Мальтус

I. Изложение предмета. Отношение между размножением населения и возрастанием количества пропитания

Тому, кто захочет предусмотреть, каков будет дальнейший прогресс общества, естественно предстоит исследовать два вопроса:

1) Какие причины задерживали до сих пор развитие человечества или возрастание его благосостояния?

2) Какова вероятность устранить, вполне или отчасти, эти причины, препятствующие развитию человечества?

Такое исследование слишком обширно, чтобы одно лицо могло его с успехом выполнить. Задача настоящей книги заключается преимущественно в исследовании последствий великого и тесно связанного с человеческой природой закона, действовавшего неизменно со времени происхождения обществ, но, несмотря на это, мало обращавшего на себя внимание тех людей, которые занимались вопросами, имевшими ближайшее отношение к этому закону. В сущности, многие признавали и подтверждали факты, в которых проявляется действие этого закона, но никто не замечал естественной и необходимой связи между самим законом и некоторыми важнейшими его последствиями, несмотря на то, что в числе этих последствий должны были бы обратить на себя внимание такие явления, как пороки, несчастья и то весьма неравномерное распределение благ природы, исправление которого всегда составляло задачу людей добродетельных и просвещенных.

Закон этот состоит в проявляющемся во всех живых существах постоянном стремлении размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи.

По наблюдениям доктора Франклина, единственной границей воспроизводительной способности растений и животных является лишь то обстоятельство, что, размножаясь, они взаимно лишают себя средств к существованию. Если бы, говорит он, поверхность земли лишилась всех своих растений, то одной породы, например, укропа, было бы достаточно, чтобы покрыть ее зеленью; если бы земля не была населена, то одной нации, английской например, достаточно было бы, чтобы заселить ее в течение нескольких веков. Это утверждение неоспоримо. Природа щедрой рукой рассыпала зародыши жизни в обоих царствах, но она бережлива относительно места и пищи для них.

Без этой предосторожности одного населения земли было бы достаточно, чтобы в несколько тысячелетий покрыть миллионы миров; но настоятельная необходимость сдерживает эту чрезмерную плодовитость, и человек, наравне с прочими живыми существами, подчинен закону этой необходимости.

Растения и животные следуют своему инстинкту, не останавливаемые предусмотрительностью относительно лишений, которые может испытать их потомство. Недостаток места и пищи уничтожает в обоих царствах то, что переходит границы, указанные для каждой породы.

Последствия того же препятствия оказываются для человека гораздо более сложными. Побуждаемый тем же инстинктом размножения, он удерживается голосом разума, внушающим ему опасение, что он не в состоянии будет удовлетворить потребности своих детей. Если он уступит этому справедливому опасению, то нередко это будет в ущерб добродетели. Если же, наоборот, одержит верх инстинкт – население возрастет быстрее, чем средства существования, а следовательно, по необходимости, оно должно вновь уменьшиться. Таким образом, недостаток пропитания является постоянным препятствием к размножению человеческой породы; это препятствие обнаруживается всюду, где скопляются люди, и непрерывно проявляется в разнообразных формах нищеты и вызываемого ею справедливого ужаса.

Рассматривая различные периоды существования общества, нетрудно убедиться, с одной стороны, в том, что человечеству присуще постоянное стремление к размножению, превышающему средства существования, с другой стороны – что эти средства существования являются препятствием к чрезмерному размножению. Но прежде чем мы приступим к исследованиям в этом направлении, попытаемся определить, как велико было бы естественное и ничем не сдерживаемое размножение населения и до каких пределов может возрасти производительность земли при самых благоприятных условиях для производительного труда.

Нетрудно согласиться, что нет ни одной известной страны, которая представляла бы такие обильные средства существования и такие простые и чистые нравы, чтобы заботы об удовлетворении потребностей семьи никогда не препятствовали или не задерживали заключение браков и чтобы пороки многолюдных городов, вредные для здоровья ремесла или чрезмерный труд не сокращали бы продолжительность жизни. Следовательно, мы не знаем ни одной страны, в которой население возрастало бы беспрепятственно.

Независимо от законов, устанавливающих брак, природа и нравственность одинаково предписывают человеку с раннего возраста привязанность исключительно к одной женщине, и если бы ничто не препятствовало неразрывному союзу, являющемуся следствием такой привязанности, или если бы не наступали за ним условия, уменьшающие возрастание населения, то мы вправе были бы предположить, что последнее перешло бы за пределы, которых оно когда-либо достигало.

В Штатах Северной Америки, в которых не обнаруживается недостатка в средствах существования, где господствует чистота нравов и где ранние браки возможнее, чем в Европе, найдено было, что население в продолжении более полутора лет удваивалось менее, чем в двадцать пять лет. Это удвоение имело место, несмотря на то, что в тот же промежуток времени в некоторых городах замечалось превышение числа умерших над числом родившихся, вследствие чего остальная страна должна была постоянно пополнять население этих городов. Это показывает, что размножение может в действительности совершаться быстрее, чем это выражается общей средней цифрой.

В поселениях внутри страны, где земледелие составляло единственное занятие колонистов, где неизвестны были ни пороки, ни вредные для здоровья городские работы, найдено было, что население удваивалось каждые пятнадцать лет. Это приращение, как оно ни было велико само по себе, могло бы несомненно еще возрасти, если бы к тому не встречалось никаких препятствий. Разработка новых земель нередко требовала чрезмерных усилий, которые не всегда оказывались безвредными для здоровья рабочих; сверх того туземные дикари иногда мешали этому предприятию своими набегами, уменьшали количество произведений трудолюбивого земледельца и даже лишали жизни некоторых членов его семьи.

По таблице Эйлера, вычисленной по 1 умершему на 36, – в том случае, когда рождения относятся к смертям, как 3:1, период удвоения населения составляет всего $12 \frac{4}{5}$ года. И это не предположение только, а действительное явление, несколько раз повторявшееся в короткие промежутки времени.

Сэр В. Петти полагает, что под влиянием особо благоприятных условий население может удваиваться каждые 10 лет.

Но, во избежание всяких преувеличений, примем за основание наших рассуждений размножение наименее быстрое, доказанное сопоставлением многих свидетельств и притом производимое одними только рождениями.

Итак, мы можем признать несомненным то положение, что если возрастание населения не задерживается какими-либо препятствиями, то это население удваивается через каждые 25 лет и, следовательно, возрастает в каждый последующий двадцатипятилетний период в геометрической прогрессии.

Несравненно труднее определить размер возрастания произведений земли. Тем не менее мы уверены, что размер этот не соответствует тому, который проявляется при возрастании населения.

Миллиард людей по закону народонаселения должен удвоиться через 25 лет, точно так же, как и тысяча человек; но нельзя получить с прежней легкостью пищу для пропитания быстровозрастающего населения. Человек стеснен ограниченным пространством; когда мало-помалу, десятina за десятиной, будет занята и возделана вся плодородная земля, увеличение количества пищи может быть достигнуто не иначе, как только путем улучшения занятых ранее земель. Эти улучшения, по самым свойствам почвы, не только не могут сопровождаться постоянно возрастающими успехами, но, наоборот, последние будут постепенно уменьшаться, в то время как население, если оно находит средства существования, возрастает безгранично и это возрастание становится, в свою очередь, деятельной причиной нового возрастания.

Все, что нам известно о Китае и Японии, дает нам право сомневаться в том, чтобы при наибольших усилиях человеческого труда можно было достигнуть удвоения количества произведений земли, даже в возможно длинный период времени.

Правда, на земном шаре в настоящее время имеется еще много необработанных и почти незаселенных земель; но можно оспаривать наше право на истребление рассеянных по ним племен или на принуждение их к заселению отдаленнейших частей своих земель, недостаточных для их прокормления. Если бы мы хотели прибегнуть к распространению среди этих племен цивилизации и к лучшему направлению их труда, то для этого нужно было бы употребить много времени; а так как в течение этого времени возрастание средств существования будет сопровождаться соразмерным увеличением населения этих племен, то редко может случиться, чтобы таким путем разом освободилось значительное количество плодородных земель, могущих поступить в распоряжение просвещенных и промышленных народов. Наконец, как это случается при учреждении новых колоний, население последних, быстро возрастая в геометрической прогрессии, вскоре приходит к своему наивысшему уровню. Если, в чем нельзя сомневаться, население Америки будет постоянно возрастать, хотя бы даже с меньшей быстротой, чем в первый период заведения в ней колоний, то туземцы будут постоянно оттесняться вглубь страны, пока, наконец, их раса не исчезнет совершенно.

Эти соображения до известной степени приложимы ко всем частям земного шара, где земля недостаточно хорошо возделывается. Но ни на одну минуту не может прийти в голову мысль об уничтожении и истреблении большей части жителей Азии и Африки. Цивилизовать же различные племена татар и негров и руководить их трудом представляется, без сомнения, долгим и трудным делом, успех которого притом изменчив и сомнителен.

Европа также заселена еще не так густо, как это могло бы быть. Только в ней можно до некоторой степени рассчитывать на лучшее приложение труда. В Англии и Шотландии много занимались изучением земледелия, но и в этих странах есть много невозделанных земель. Рассмотрим, до какой степени может быть на этом острове увеличена производительность земли при самых благоприятных условиях, какие только можно себе представить. Если мы допустим, что при наилучшем правлении и при наибольшем поощрении земледелия произведения почвы этого острова могут удвоиться в первое двадцатипятилетие, то, по всей вероятности, мы перейдем пределы действительно возможного; такое допущение, наверное, превысит действительную меру возрастания произведений почвы, на которую мы вправе благоразумно рассчитывать.

В следующее двадцатипятилетие решительно уже нельзя надеяться, чтобы производительность земли возросла в такой же степени и чтобы, следовательно, в конце этого второго периода первоначальное количество продуктов земледелия учетверилось. Допустить это – значило бы опрокинуть все наши познания и представления о производительности почвы. Улучшение бесплодных участков является результатом больших затрат труда и времени, и для всякого, имеющего самое поверхностное представление об этом предмете, очевидно, что по

мере улучшения обработки ежегодное приращение среднего количества продуктов земледелия постоянно, с известной правильностью, уменьшается. Но чтобы сравнить между собой степени возрастания населения и средств существования, допустим предположение, которое, как бы оно ни было неточно, во всяком случае значительно преувеличивает действительно возможную производительность земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.